

Алексей
БАРХАТОВ

А ЕСЛИ НЕ АНОНИМ?

Важное место в трагической истории гибели Александра Сергеевича Пушкина занимают письма с пасквильным дипломом.

4 ноября 1836 года по городской почте в двойных конвертах пасквиль получили князь П. А. Вяземский, граф М. Ю. Виельгорский, Карамзины, Е. М. Хитрово, граф В. А. Соллогуб (точнее, его тетка А. И. Васильчикова) и поручик Генерального штаба К. О. Россет. Как верно заметила А. А. Ахматова, «все дипломы были посланы друзьям Пушкина, а не врагам». Все это действительно добрые знакомые Александра Сергеевича, люди одного круга. Соллогуб даже сужал это понятие: «...письма были получены всеми членами тесного карамзинского кружка». Пасквиль (или пасквильный) хорошо знал это, как знал и точные места их жительства. Соллогуб жил у тетки на Большой Морской, Хитрово — в доме австрийского посланника графа Фикельмона, Виельгорский — в доме графа Кутузова на Михайловской площади, на конверте Россету стояло даже предельно точно: «В доме Занфелебана, на левую руку, в третий этаж».

На кого же в первую очередь пали подозрения?

Сам Пушкин до последнего своего дня был уверен, что пасквиль исходил от Геккернов. В своих объяснениях с графом Бенкендорфом и Николаем I поэт, видимо, как-то аргументировал свою убежденность. Недаром шеф III отделения интересовался почерком Дантеса. А его секретарь П. И. Миллер в сохранившейся записке констатировал: «Барон Геккерн написал (...) несколько анонимных писем, которые разослал двум-трем знакомым Пушкина. — Бумага, формат, почерк руки, чернила этих писем были совершенно одинаковы». Впрочем, уже неопределенно-ошибочное «двум-трем» ставит под сомнение и остальное содержание.

В секретном архиве III отделения обнаружилась и еще одна записка на французском языке — «Записка для памяти» самого графа Бенкендорфа. В книге «Дуэль и смерть Пушкина» П. Е. Щеголев приводит ее текст таким образом: «Некто Тибо, друг Россетти, служащий в Главном штабе, не он ли написал гадости о Пушкине», продолжая затем: «Отделение заработало, выяснило, что в Главном штабе Тибо нет, а есть два Тибо на почтамте». Думается, кстати, что в записке просто должно было стоять слово «служащего», относясь к Россету, действительно поручику Генерального штаба. А. С. Поляков указал еще на одного Тибо, учителя Ларинской гимназии. Однако тот же Щеголев не без оснований замечает: «Вернее всего, это был т-г Тибо, упоминаемый и в записках А. О. Смирновой и в письмах А. Н. Карамзина, воспитатель или гувернер в семье Карамзиных; конечно, это он был в приятельских отношениях с К. О. Россетом, братом А. О.

Смирновой». К сожалению, каких бы то ни было характеристик этого Тибо до нас не дошло. Стоит только учесть, что его положение позволяло ему быть одновременно как бы внутри и вне карамзинского круга. Все знать и не быть принятым в расчет.

Очень многие, в том числе и сам К. О. Россет, подозревали молодых князей И. С. Гагарина и П. В. Долгорукова. В то время оба они жили в одной квартире на Миллионной, а Гагарин часто бывал у К. Россета, проживавшего вместе с братом Аркадием и их товарищем Н. Скалоном. Обильную почву для добрых подозрений давали и характеры, и образ жизни, и отдельные их поступки, и близость к кружку Геккернов. Все это скрупулезно анализировалось как современниками, так и многими поколениями исследователей биографии Пушкина. Не располагая фактическими основаниями для доказательства вины, но имея множество оснований для превращения обоих князей в некий характерный образ, тип пасквильанта, история прочно, на долгие годы связала их имена с дипломом.

Размышляя о возможных участниках составления пасквильного письма, нельзя игнорировать и лаконичную запись из дневника такого осведомленного человека, как А. И. Тургенев: «Подозрения. Графиня Нессельроде, и мнение исследователя П. Е. Рейнбота по поводу прикосновенности к диплому министра С. С. Уварова».

Итак, по тем или иным причинам к следствию по делу о пасквилье историей привлечены Геккерны, И. С. Гагарин, П. В. Долгоруков, Тибо, М. Д. Нессельроде и С. С. Уваров. Причем, и это точка зрения многих исследователей, ясное доказательство виновности одного вовсе не исключает участия других. «В деле с анонимными письмами, — пишет, например, в своей недавней книге С. Л. Абрамович, — даже если принять предлагаемую гипотезу (авторство Геккернов. — А. Б.), все равно остается очень много темного и неясного. Не может быть сомнений в том, что у Геккернов был соучастник — тот, кто переписывал пасквили. Пушкин знал почерки посланника и его приемного сына и не сомневался в том, что письма были переписаны другой рукой».

Какими аргументами вообще можно доказать причастность организатора? Только показаниями писца, а того надо схватить за руку, за почерк. Да только схватить эту руку, а она, как хвост у ящерицы, отпадет. Хвост — в руке, а голова — на воле. А между головой и хвостом могли быть еще и шея, и туловище. Почему не предположить цепочку: вдохновитель — составитель — исполнитель? Почему не предположить за каждым из этих слов и множественное число?

Исходя из этих соображений, хотелось бы более внимательно приглядеться к еще одному лицу, фигурирующему в этой истории, и, может быть, отнести ему несколько иную роль.

Вспомним содержание гнусного письма-диплома:

«Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рононосцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. А. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рононосцев и историографом ордена».

Непременный секретарь граф И. Борх».

Кроме Пушкина, в дипломе присутствуют еще два имени. Смысл их упоминания, естественно, должен состоять в общеизвестности проводимой аналогии, в нарицательности. Что касается его превосходительства обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина, то он вне всякой конкуренции — более достойного претендента в глазах света действительно сыскать было сложно. Долгая и открытая связь его красавицы супруги с императором Александром I стала притчей не только «во языцех», но и в письменных свидетельствах современников. А что же граф И. Борх? Один из прежних исследователей, А. С. Поляков, даже недоумевал: «О каком И. (Ж?) Борхе говорит аноним, сказать трудно. Кроме графа А. М. Борха, другого мы не знаем. Не было ли здесь описки?». Более тщательный П. Е. Щеголев уточняет, что имеется в виду младший брат — Иосиф Михайлович Борх, служивший след за старшим по министерству иностранных дел. Родившись в 1807

поездки на место дуэли: «по дороге им попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх с женой, рожденной Гольнской. Увидя их, Пушкин сказал Данзасу: «Вот две образцовых семьи». И заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: «Ведь жена живет с кучером, а муж — с фореитором».

«Так вот кто такой — граф Иосиф Борх, неперменный секретарь ордена рононосцев...» — констатирует Щеголев, несмотря на то, что подробностей эта, прямо скажем, достаточно далеко уводит от искомой «царственной линии».

Еще одну деталь, уже из лета 1837 года, Щеголев вылавливает в письме А. Н. Карамзина к матери: «В последнее воскресенье ездил я верхом с графиней Борх... на высокую гору. Мы все были веселы и довольны, одна бедная и милая графиня беспокоилась оттого, что муж, ехавший за нами в коляске, не мог следовать по дурной дороге и был вынужден воротиться... Кислая фигура de ce vilain avorton de mari навела уныние на все общество». «И выводит затем: «Avorton de mari — хорошее прозвище для рононосца, живущего с фореитором, — avorton — выкидыш, недоносок, выродок — муж-выкидыш, муж-недоносок!». Не будем спорить, может, это и хорошее прозвище для рононосца, но не проще ли и естественнее видеть здесь просто усмешку гарцующего удалца над ровесником, едущим в коляске да еще и повернувшись вспять из-за дурной дороги. Жена, и та преодолевает путь верхом! А он? Ну как тут его назвать?

А. СУВОРОВ.

Пушкин перед
дуэлью. 1934 год.

году, к концу 1836 года он был титулярным советником, но к тому же камер-юнкером и владел 2000 душ в Витебской губернии. П. Е. Щеголев подробнее многих исследователей едет в биографию семьи Борх. Но с какой целью?

«Если вести толкование по царственной линии, то великому магистру Д. А. Нарышкину противопоставлен император Александр — первый брат, коадьютору г-ну Александру Пушкину — император Николай — второй брат. Очевидно, и третьему названному в дипломе члену ордена рононосцев, неперменному секретарю графу И. Борху, должен быть противопоставлен или третий брат, или тот же Николай: во всяком случае, член императорской фамилии».

Взяв такое направление, П. Е. Щеголев стремится подтвердить гипотезу фактами — «надо найти ключ к наименованию его неперменным секретарем ордена рононосцев, наряду с Нарышкиным и Пушкиным». Для этого он первым делом вводит в родословный высвечивает биографию Любови Викентьевны Гольнской, на которой с 13 июля 1830 года был женат И. М. Борх. Ничего по «царственной линии» не обнаруживается. Но вот один из современников, М. Н. Лонгинов, записал, надо понимать, со слов Данзаса, одну из подробностей

Щеголев внутренне, видимо, и сам сознает некоторое «несоответствие с занимаемой должностью» у графа И. М. Борха, потому за неимением другого приводит даже свидетельства, компрометирующие... сестру жены «неперменного секретаря».

«По царственной линии» для Борха пока нет материалов, — сокрушенно заключает исследователь. Однако сами факты, которые впервые воедино собрал Щеголев, наводят на возможность иных рассуждений.

Оказывается, граф Иосиф Михайлович Борх относится непосредственно к тому же кружку светской молодежи, в который входят и Дантес, и Гагарин, и Долгоруков, в котором верховодил голландский посланник Геккерн. Он служит по министерству иностранных дел, причем его старший брат А. М. Борх относится к числу приближенных министра Нессельроде, а жена старшего Борха — Софья, урожденная Лаваль, — близкая подруга мадам Нессельроде.

Мы уже отмечали педантичность автора пасквиля в отношении адресатов, точность в выборе кандидатуры магистра. И вдруг Борх — свой человек в лагере врагов Пушкина, в лагере тех, кто подозревается в причастности к составлению диплома. Вспоминаются строки Л. Гроссмана: «Голицыны и Уваровы,

Нессельроде и Дондуковы-Корсаковы, Борхи и Булгарины — все были заклеены в его островах и куплетах... Все это смыкало врагов поэта в единую фалангу и создавало против него сплошной фронт ненависти и мести».

Чести Пушкина и его жены диплом наносит серьезное оскорбление. В этом не было сомнений у современников. Но ведь подобное оскорбление одновременно наносилось и чете Борх. Они негодуют? Ничуть.

Вновь обратившись к письмам А. Н. Карамзина из Баден-Бадена лета 1837 года, мы без труда встречаем знакомый тесный кружок: «Тут же и Дантес с женой, и старый Геккерн, и графиня Борх с мужем». Дантес вместе с «оскорбленными» Борх участвовал и в уже упоминавшейся верховой поездке, а затем «за веселым обедом в трактире, подстрекаемый шампанским, он довел нас до судорог от смеха. На балу в присутствии семьи герцога Баденского Дантес предводительствовал мазуркой в паре с графиней Борх». Даже задавшись иной целью, больно, трудно без негодования читать эти строки. Но в чем же дело? Один «невольник чести пал, оклеветанный молвой», другой пирует с вероятным обидчиком, причем его «униженная» жена танцует с Дантесом.

Они не знакомы с текстом пасквиля, не поняли его? Едва ли. Правда, А. Н. Карамзин аттестует Борха несносным, грубым, глупым и просто «умником» в кавычках. Но не до такой же степени. Тем более супруга заслуживает у того же Карамзина прямо противоположную характеристику. Напрашивается иная догадка — о причастности самого Борха к составлению диплома.

Читатель, видимо, уже обратил внимание на выделенные мною черным шрифтом слова в цитатах из Щеголева. Для него, как, впрочем, и ряда других исследователей, совершенно ясно, что Борх — член ордена рононосцев. Воспроизводя текст диплома на русском языке, он даже неосознанно убирает красную строку в тексте перед заключительной подписью. Однако она есть. Мало того, автор диплома, чью педантичность мы уже отмечали, почему-то ко всем перечисляемым званиям аккуратно прибавляет принадлежность к ордену — «великий магистр ордена», «коадьютор великого магистра ордена», «историограф ордена». Ко всем, кроме последнего, — «Неперменный секретарь граф И. Борх». Он — лишь лицо удостоверяющее, к ордену отношения не имеющее. И тогда сравнение Нарышкина — Пушкин звучит четче и резче.

При предположении, что сам И. Борх — составитель сего диплома, в его поведении и отношениях многое становится ясным. Вспомните карамзинскую характеристику Борха — она вполне отвечает чертам составителя диплома: несносный, грубый, глупый... Вспомните ближайшие связи — Нессельроде, Геккерн... Вот и кандидатуры на роль вдохновителя.

А чтобы дерзкая выходка Борха ему сошла безнаказанно, нужен был формальный исполнитель. Почерк не его, попробуй докажи! Да и повезло — диплом сочили анонимным. Докапываться никто не стал. Пушкину нужен был главный пасквильант.

...Графа Борха мы застаем в Баден-Бадене в 1837 году, затем снова он в длительном отпуске за границей на минеральных водах, а в апреле 1840 года министр императорского двора князь Волконский уведомил придворную контору о том, что титулярного советника графа И. М. Борха, согласно прошению его, высочайше повелено уволить от службы с награждением следующим чином и исключением из списков.

«Неперменный секретарь» и титулярный советник Иосиф Борх был исключен и из списков людей, причастных к предсмертной травле поэта. Гагарин, Долгоруков не раз были вынуждены оправдываться, устно и печатно. Борха к ответу никто не призывал. Борх молчал.